

Марина
СЕРОВА

Дары Ангела

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Дары Ангела

«ЭКСМО»

2014

Серова М. С.

Дары Ангела / М. С. Серова — «Эксмо», 2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-72084-2

Зайдя вечером в кафе перекусить, профессиональный телохранитель Евгения Охотникова знакомится с Вероникой Федоровой, преподавательницей местного лицея. Девушка сильно нервничает и боится идти домой: ей кажется, за ней следят. Женя вызывается ее проводить и убеждается в правоте Вики. Федорова просит новую подругу защитить ее и рассказывает, что, скорее всего, ее преследователи охотятся за старинной золотой монетой, которую бабушка отдала ей перед смертью. С этой редкой французской монетой «Ангел удачи» связана темная и мрачная история времен революции, и только один человек в городе знает всю правду о Золотом Ангеле...

ISBN 978-5-699-72084-2

© Серова М. С., 2014

© Эксмо, 2014

Марина Серова

Дары Ангела

* * *

С раннего детства обожаю дождь, особенно летний, когда на высохшую землю падают крупные долгожданные капли. В первые секунды раскаленный асфальт и пересохшая почва отдают накопленное тепло, и воздух становится влажно-парким. Потом поток льющихся с неба капель становится чаще и превращается в ливень, благодатный и живительный. Прохожие разбегаются кто куда, прячутся под навесами и козырьками. Сверкает молния, грохочут раскаты грома. Эти звуки вызывают в моей душе особенное и ничем не объяснимое ликование.

У тети Милы во время дождя, наоборот, портится настроение. Она загодя, как бесплатный барометр, начинает ворчать, что упало атмосферное давление, жалуется на магнитные бури. Кружится голова, ломит виски и сводит ноги. Если в этот момент сделать неосторожное замечание на болезненную тему, тетушка обязательно разразится поучительной тирадой. Сегодня я утратила бдительность и обронила фразу о своей работе. И незамедлительно поплатилась за беспечность.

– Приличные девушки в твоём возрасте уже давно детей растят и не помышляют о карьерах.

– Я тоже ни о чём таком не помышляю, – миролюбиво заметила я, – просто зарабатываю деньги как умею. А умею я, по большому счету, только это: охранять жизнь или помогать людям выпутываться из затруднительных ситуаций.

– Не нужно лукавить, Женечка! Уж я-то знаю, что из тебя может выйти отличный переводчик, с твоим-то знанием языков! Да ты была бы на любой фирме незаменимым специалистом! Ну, на худой конец, можно и учительницей. В школе, – сбавила обороты тетушка. – А что, хорошая, благородная профессия – детей учить.

– Кто бы спорил. Благородная профессия, только государством не оценённая. Ты знаешь, какая у педагогов зарплата? С такими доходами отдохнуть за границу не съездишь, вещей в бутиках не купишь и ремонт в квартире не сделаешь. – Последний аргумент оказался убийственно неоспоримым, так как я обвела рукой недавно отремонтированную кухню с новой мебелью – мы закончили ремонт всего пару недель назад. Кухня посветлела, посвежела, даже стала казаться больше благодаря новой мебели современного дизайна. Проект и его воплощение в жизнь стоили кучу денег, но потрачены они были не зря.

Тетушка обиженно поджала губы и замолчала. А я поняла, что немного перегнула палку в стремлении доказать свою правоту. Стереотипы неискоренимы по сути своей: и подружки, и воспитание тети Милы нашептывают ей днём и ночью, что у молодой девушки должна быть женская профессия. Она должна выйти замуж, рожать детей, готовить обеды. Уметь наигрывать на фортепьяно грустные романсы, краснеть, услышав крепкое словцо, и падать в обморок при виде револьвера.

– Прости меня, тетя Мил. – Я поняла, что мой внутренний монолог затянулся, а тетя все ещё обижается.

– Ты ведь не намекаешь, что я живу за твой счёт? – тоненьким голосом начала тетушка. Она часто заморгала, а глаза готовились наполниться слезами.

– Что ты! Ни в коем случае! Я ведь сама предложила ремонт сделать. А уж если затеяли, то и мебель нужно менять. Лет-то ей сколько?!

– Да, но обновить все хотелось мне. Ты со своей работой и дома не бываешь целыми днями, иногда неделями.

– Теперь нужно остальные комнаты в квартире освежить. А когда закончим, в августе или сентябре, поедem куда-нибудь отдохнуть.

– Правда?! А куда? – точно ребенок, обрадовалась тетя.

– Туда, где тепло и где ты не была, – пожалала я плечами, – потом придумаем.

– Я, Женечка, почти нигде не была.

– Вот и хорошо, значит, у нас с тобой неограниченный выбор. – Я наклонилась и поцеловала тетю Милу в щеку в знак окончательного примирения.

– Пожалуй, пройдусь немного, – выглянула я в окно, – дождь практически закончился, самое время прогуляться.

– Зонт обязательно возьми, – напутствовала тетя Мила.

– Согласна только на куртку с капюшоном, чтобы за шиворот не капало. А зонты, ты же знаешь, не люблю я их.

Вдоль тротуара веселыми ручьями текли потоки воды, бурлящими водоворотами закручивались около ливневок, унося с собой мелкий мусор. Я быстрым шагом прошла несколько кварталов до парка. Обычно я здесь бегаю по утрам, потом отправляюсь на ближайший стадион и выполняю упражнения из карате, растяжки. Нужно держать привыкшее к нагрузкам тело в надлежащей форме. Сегодняшним вечером мне хотелось неспешно пройтись по влажным от дождя аллеям, наблюдая, как с омытой ливнем листвы срываются на землю запоздалые капли. Быстро темнело, мне наскучило в парке, а домой идти не хотелось, и я завернула в небольшое уютное кафе возле старинного храма.

В этом заведении царит особая атмосфера, которую не спутать ни с чем. От вышколенного, чопорного персонала иных VIP-кафе некоторых особо впечатлительных посетителей бросает в дрожь. Тетя Мила говорит, что меня ничем не прошибешь, но, согласитесь, приятно: приходишь в кафе, а тебя встречают как родного человека или давно не заглядывавшего друга. И еще здесь очень вкусный яблочный чай и восхитительные пирожные. Поэтому я иногда балую себя, несмотря на то что тетя Мила замечательный кулинар и всегда готовит что-нибудь домашнее и невероятно вкусное.

Сегодня было немного посетителей. Мама с двумя детьми пяти и трех примерно лет собирались уходить. У окна в конце зала сидела девушка, симпатичная хрупкая шатенка.

Я взяла себе чай с пирожным тирамису и устроилась неподалеку. Благодаря тому что зал кафе находится на втором этаже, отсюда открывается замечательный вид на площадь и старинное здание консерватории. Это учебное заведение является визитной карточкой нашего города, по крайней мере его часто можно увидеть на открытках и магнитах.

Девушка по соседству тоже все время поглядывала в окно. Только, по-моему, она не наслаждалась прекрасным видом, а сильно нервничала. Вытягивала шею, пытаясь увидеть что-то внизу, на улице, с одной стороны, потом с другой. Она периодически смотрела на часы и нервно оглядывалась, будто боялась, что ее скоро выгонят из заведения.

– Вы не переживайте, – обратилась я к ней, – тут работают замечательные девчонки. Никто не станет дергать, торопить, тем более намекать: «Хотите сидеть дальше, сделайте еще заказ». Можете здесь спокойно отдохнуть.

Девушка повернулась на мой голос, и я увидела, что глаза ее заплаканы, а лицо бледное и испуганное:

– Это кафе ведь до одиннадцати работает?

– Кажется, да.

– Впрочем, это все равно, уже темнеет. А раз оно не круглосуточное, то рано или поздно уйти придется.

– Простите, может, я не в свое дело лезу, у вас что-то случилось? Расскажите, иногда становится легче.

– Неудобно как-то. Боюсь, вы решите, что я странная, нервная особа.

– Да не похоже. Вы нервничаете, это заметно, но производите впечатление вполне вменяемого человека. Давайте знакомиться, меня зовут Женя. Евгения Охотникова.

– Вероника, – девушка протянула руку, – Федорова. Работаю преподавателем иностранных языков в нашем тарасовском лицее.

– Том, что на Чехова?

– Да.

– Знаю это учебное заведение, о нем говорят как об одном из лучших в нашем городе. Ну, вот видите, если вас допустили к работе с детьми и они не свели вас с ума, то стойкости ваших нервов может позавидовать любой, – хихикнула я.

– Это точно. Может, на «ты» перейдем? Мы вроде одного возраста.

– Конечно, с удовольствием. Не желаешь еще чайку? Или ты кофе предпочитаешь?

– По настроению. Только сейчас я стала плохо спать и стараюсь не пить кофе на ночь.

Вероника на середине этой фразы тяжело вздохнула, почти всхлипнула, и я опять подумала: что же ее так беспокоит?

– Тогда попробуй яблочный чай. Такого нет нигде, только здесь.

– Правда? Нужно попробовать.

Мы взяли по яблочному чаю и пересели за один столик.

– Знаешь, мы как-то забрели сюда с подружкой, давно, года три назад. Потом я не заходила где-то около полугода. Прихожу снова, а девушка на кассе, Марина, помнит, какой я пила чай и какое пирожное выбрала к нему.

– И с тех пор ты постоянный посетитель?

– Да, захоживаю иногда. – Мы рассмеялись. – Скажу тебе по секрету, таких «тирамису» и шоколадного пирожного нет нигде. Не только в Тарасове, но и в России. А я бывала во многих местах.

– К сожалению, стараюсь не есть пирожные, фигуру берегу.

– Моя профессия предполагает определенные физические нагрузки, так что пока могу себе позволить. – Мы снова рассмеялись.

– Правду говорят, поделись неприятностями, и станет легче. Вот мы поболтали с тобой, и я уже смеюсь, а десять минут назад тряслась от страха.

– Ну, ты еще не рассказала ничего.

– Это я с духом собираюсь. С чего начать, не знаю.

– Начни с самого главного. Так всегда проще.

– Хорошо. Мне очень страшно. Потому что за мной кто-то следит. Вот сегодня я шла по улице, хотела срезать путь через дворы, и снова увидела его, такой страх меня взял, ведь на каблуках далеко не убежишь. Я пробежала через арку, в это кафе заскочила и сижу. А вчера до самого подъезда за мной шел, я код на двери набираю, руки трясутся, мимо жму как дура. Еле успела заскочить в подъезд и дверь захлопнуть. – Широко раскрытые от недавно пережитого ужаса глаза Вероники стали наполняться слезами.

– Тихо, тихо, успокойся.

– Ты мне веришь?!

– Конечно, я же говорила, ты не производишь впечатления нервной особы или чудачки фантазерки.

– А никто больше не верит. Ни девчонки на работе, ни Максим. Я ему позвонила и прошу: «Встреть меня, одной так страшно». А он высмеял, мол, выдумывай меньше, кому нужно за тобой ходить? И отказался приехать. Сижу тут, сижу, уже и темнеет...

– Знаешь, если хочешь, я могу тебя проводить. Ты где живешь?

– Здесь, недалеко. На Лермонтова, рядом с набережной. Правда проводишь?! А сама не боишься? Ведь возвращаться придется ночью совсем.

– Во-первых, я тут живу недалеко. Во-вторых, совершенно не боюсь, пусть меня все боятся, – хихикнула я.

– Женя, прости, раньше не спросила, ты кем работаешь?

– Я частный детектив. Как правило, выполняю работу телохранителя. Сейчас отдыхаю.

– А, тогда понятно. И оружие есть?

– Когда я при исполнении, обязательно. Но не бойся, защитить тебя сумею. Ну что, пошли? По дороге мне все подробно расскажешь; дело в том, что я могу дать тебе несколько профессиональных советов, как себя вести. А игнорировать подобный факт нельзя ни в коем случае.

– Я Лизе на работе жаловалась, а она смеется, говорит, может, это тайный поклонник какой, а ты от страха трясешься.

– За тобой следит всегда один и тот же человек, не замечала? – тут же насторожилась я.

– Не совсем уверена, но, по-моему, нет. Разные мужчины, кажется.

– Значит, маловероятно, что это тайный поклонник, если мужчины разные. И потом, сама подумай, если молодой человек нормальный, то он подойдет к понравившейся ему девушке и познакомится. А если следит, тут уже что-то странное – время тайных вздохов кануло в Лету вместе с девятнадцатым веком.

– Согласна с тобой, – улыбнулась Вероника, – это было бы уже в духе старинных французских романов. Нам, когда я училась, часто в подлиннике читать задавали, так лучше язык усваивается.

Болтая, мы вышли из кафе, я кивнула на прощание провожавшим нас взглядами девушкам и услышала в ответ:

– Всего доброго.

– Ты какие языки знаешь? – обратилась к Веронике.

– О, это мое хобби. Французский, немецкий, английский, без него в современном мире никуда. Вот японский похуже, как раз сейчас стараюсь подучить немного.

– Интересно, как людей сводит судьба, я тоже увлекалась языками, да и в Ворошиловке требовали. А сейчас совсем почти без практики, даже поболтать не с кем.

– Хочешь, перейдем на французский? – хихикнула Вероника.

– С удовольствием.

Дальше мы продолжили разговор на языке Вольтера. Как и ожидалось, Вероника знала французский на приличном уровне. Как практикующий преподаватель, она заметила, что у меня отлично поставлен акцент и речь беглая. А я думала, что из-за редкой практики утратила половину своих навыков.

Мы немного поболтали на отвлеченные темы. Оказалось, что у меня с моей новой знакомой довольно много общего. Это не только любовь и способности к языкам. Вероника так же, как я, увлекалась кино, нам нравились одни и те же фильмы, мнения по многим вопросам совпадали.

Потом я вернула разговор на менее приятную тему. Мне совершенно не хотелось пугать девушку раньше времени, тем более что ей и так было страшно. Но в ситуации нужно обязательно разобраться. Этот преследователь – ведь Вероника не уверена, один он или нет, – может оказаться кем угодно, психически нестабильным типом, например. Такому в голову могут прийти любые, даже самые невероятные, вещи: сегодня он просто следит, завтра попытается напасть. А в полиции обычно скептически относятся к подобным рассказам. И занимают примерно такую позицию: «Пока нет конкретных фактов, разбирайтесь, граждане, сами и не беспокойте нас со всякой ерундой».

– Вероника, можешь вспомнить, когда впервые заметила, что за тобой следят?

– Может, я не сразу стала обращать внимание, но вообще через пару недель после похорон бабушки.

– О, прими мои соболезнования.

– Да, спасибо. Это очень тяжелая потеря, бабушка была моим единственным родным человеком. Мои родители погибли в автокатастрофе много лет назад. Я еще маленькой была. Бабушка Елена воспитала меня одна, дала приличное образование. Только благодаря ее помощи и настойчивости я закончила учебу и устроилась работать в лицей.

– Работа нравится? – решила я отвлечь девушку от грустных мыслей.

– Да, коллектив хороший, зарплата достойная. Мы дома ремонт недавно сделали. Я мечтала бабушку свозить в отпуск за границу, она не бывала нигде. Да и я сама дальше Крыма не ездила.

– А где ты хотела бы побывать?

– Больше всего меня манит Франция, Италия, да и вся Европа. В Японию тоже очень хочется поехать, в сезон цветения сакуры, но это все мечты.

– Мечты рано или поздно сбываются, особенно если мы прилагаем к этому усилия.

– Бабушка тоже так говорила. Женя, а если я предложу тебе работу, ты не поднимешь меня на смех?

– Всегда рада помочь. Даже сама хотела предложить.

– Ну, я не бизнесмен, может, это все выглядит смешно и глупо.

– В твоей ситуации обязательно нужно разобраться. Все выяснить и принять меры, пока это не кончилось плохо. Так что ничего смешного тут нет; правда, мои расценки могут оказаться тебе не совсем по карману.

– Ничего, я как раз на отпуск копила. Пойми, мне очень страшно, а посоветоваться не с кем.

– Так, я понимаю, что рассказала ты мне еще не все. Никакой это не поклонник? И, Вероника, есть соображения, почему за тобой следят?

– Я только предполагаю, что это связано с семейной тайной. Ее мне рассказала бабушка перед смертью. Но я никому вот ни словечка не говорила. А они следят, я изнервничалась вся, спать не могу, страшно.

– У тебя ведь есть друг, молодой человек?

– Максим, только он не верит мне, говорит, что я выдумываю все, и смеется. А, – тут Вероника густо покраснела, – если ты намекаешь, что он мог бы составить мне компанию по ночам, то мы еще не в тех отношениях.

– Это правильно, тут торопиться некуда, – одобрила я.

Тем временем мы подошли к дому Вероники, и она предложила зайти. У меня самой была мысль проводить девушку прямо до квартиры. По дороге сюда я не заметила слезки. Но если ее «ведут» стабильно и давно, то заинтересованные лица уже знают, где она живет. Значит, могут поджидать у подъезда или даже у самой квартиры. Недаром Вероника так нервничает, лучше убедиться, что все в порядке.

– Может, кофе сварить? – предложила Вероника на пороге.

Создавалось впечатление, что она хочет как можно дольше оставаться в моей компании, – мы по дороге сюда никого не встретили.

– Нет, спасибо. Квартиру твою я сейчас осмотрю, хорошо? – спросила я.

– Ага.

– Потом уйду, а ты запри за мной двери, окна тоже держи закрытыми и никому не открывай. Кто бы ни были люди, следящие за тобой, какие бы ни преследовали они цели, тактику резко менять не будут и в квартиру к тебе ломиться не станут. Так что спи спокойно.

– Хорошо, я попробую. А когда мы встретимся?

– Тебе завтра нужно на работу?

– Я хотела взять отпуск, но много времени это не займет.

– Тогда сделаем вот что. Завтра с утра пиши заявление на отпуск и расскажи всем, что к тебе приезжает подруга из Франции, погостить. А мы с тобой встретимся в том же кафе, где познакомились сегодня. Там нас никто не станет беспокоить, расскажешь мне свою семейную историю и тайну, с ней связанную.

– Женья, ты переедешь ко мне, пока будешь охранять?

– Желательно, но если это неудобно, можно смотреть по ситуации.

– Как раз удобно! – горячо воскликнула Вероника. – Мне страшно одной. А с тобой и поболтать здорово, и вообще... Никогда не встречала женщину-телохранителя. Ты такая стройная, изящная, хрупкая на вид.

– Внешний вид иногда обманчив.

– Это точно подмечено.

Пока мы разговаривали, я осмотрела жилье Вероники. Обычная трехкомнатная квартира, как говорили в советское время, «улучшенной планировки». Раньше, видимо, здесь жила большая семья. Три отдельные комнаты, два балкона, небольшая уютная кухня. Расположена на седьмом этаже девятиэтажного дома. Так что, велев не открывать окна и балконные двери, я, пожалуй, перестраховалась. Но мне будет спокойней, да и Веронике тоже.

Мы простились до завтра, и я отправилась домой. По дороге продолжала размышлять о новой знакомой и ее неприятностях. На самом деле может оказаться, что вся эта история не стоит выеденного яйца. Если у человека богатое воображение, некоторые обстоятельства он сам способен выдумать, а потом под воздействием того же воображения они растут, обретают определенную форму и превращаются в навязчивый страх или паранойю. Хотя Вероника производит впечатление вменяемого человека, обстоятельства могут быть разные: от странного поклонника до чьей-то нелепой шутки.

Поломав голову так и эдак, я решила, что для каких-либо выводов маловато информации. Пусть Вероника сначала все расскажет о своей семье, разберемся, что там за тайна. Побуду рядом несколько дней, пригляжусь к окружающим, заодно выясню, существует слежка в действительности или только в воображении девушки.

* * *

Мое утро начинается всегда в шесть часов, если нет срочных важных дел, которые требуют встать пораньше. Поскольку встреча с Вероникой была назначена на десять часов, я не торопилась и отправилась на традиционную пробежку. Потом немного позанималась на спортивной площадке: карате, упражнения на гибкость, растяжку. Дома приняла душ и собрала необходимые вещи. Предполагалось, что я проведу у Вероники несколько дней, притом буду изображать подружку-француженку. Пришлось выудить из своего гардероба несколько вещей, способных «не ударить лицом в грязь». Вечерняя одежда, думаю, не пригодится. А вот коктейльное синее платье и стильный брючный костюм бежевого цвета, который я привезла прошлой весной из Лондона, подойдут идеально. Еще возьму кремовую «тройку», и, пожалуй, хватит. Обычно я предпочитаю удобную одежду, но, в силу профессии, просто обязана иметь вещи на все случаи жизни. Поэтому я упаковала джинсы, пару футболок, смену белья, кроссовки, ветровку, водолазку и приступила к самому интересному: выбору оружия. После недолгого размышления бросила в сумку револьвер в наплечной кобуре, еще один, маленький, который крепится в кобуре на щиколотке, обоймы к ним. Присоединила к этому любимый набор метательных ножей и «звездочек», сделанных из высокотехнологичного пластика, привезенный из Японии, машинку для обнаружения следящих и записывающих устройств. Упаковала верный ноутбук. И застыла над сумкой, задумчиво взвешивая на ладони небольшую гранату. За этим занятием меня и застала заглянувшая в комнату тетя Мила.

– Женечка, доброе... – лицо ее мгновенно вытянулось, – утро.

– Привет, тетя Мил! – Я аккуратно положила гранату на место – в сейф для хранения оружия, вмонтированный в стену внутри моего платяного шкафа, и закрыла дверцу.

– Женя, ну что это за вид?

– А что такое? – Делано озабоченно я повернулась к зеркалу.

– Красивая девушка: тонкое лицо, изящная фигура, выразительные, глубокие глаза, чудные волосы, – перечисляла тетушка мои достоинства, – стоит в белье посреди спальни и играет с гранатой! Да кто тебя замуж возьмет?!

– Я только что из душа, сумку собираю. Гранату решила не брать, – махнула я рукой, – это будет чересчур, – пояснила я свои действия. – А ты пришла меня завтракать позвать? – Подозреваю, тетя Мила втайне побаивается всяческого оружия, маскируя свой страх безграничным презрением к оному.

– Именно. – Тетушка гордо выплыла из моей спальни.

Я, ухмыляясь, пошла следом, на ходу натягивая синий льняной сарафан с бежевой вышивкой.

– Тетя Мил, вот скажи: я в этом сарафане буду похожа на настоящую француженку?

– Нужно шляпку добавить. Соломенную, с ленточкой.

– Думаешь?

– Да. Ты, моя деточка, такая хорошенькая; если захочешь, всех француженок за пояс заткнешь.

– Ага, – я посмотрела на часы, налила себе кофе и намазала тост джемом.

– Позавтракай нормально. Я пюре приготовила из сельдерея, очень полезно, салат, мясо.

– Спасибо, тетя Мил, тороплюсь.

– Опять работа?

– Да, меня не будет дома несколько дней, может, неделю. Буду звонить, не переживай.

– Все с этой твоей работой нет времени ни на что.

– Ага.

– Женя, ты вот скажи, к нам несколько раз приходил молодой человек, представительный такой. Помнишь, вы еще в ресторан ездили...

– Генка?

– Да, кажется, Геннадий его зовут.

Генка, мой старинный приятель, мы учились вместе в Ворошиловке, был переведен в Тарасов несколько лет назад. Начальник, между прочим, сделал неплохую карьеру, служа в полиции. Мы сразу возобновили общение, он даже помогал мне в одном деле, когда я охраняла юного ювелира и его отца. Тот поход в ресторан, который так запомнила тетя Мила, Генка как раз и выторговал в обмен на свою помощь. Поскольку тетушку я не стала посвящать во все подробности своих договоренностей, она питает тайные надежды на продолжение наших «отношений».

– Генка сейчас занят, по-моему, в командировку уехал, а что?

– Ну вот, то он занят, то ты, – все же расстроилась тетя, – может, когда вы оба освободитесь, пригласишь его в гости? На чай, я что-нибудь испеку.

– Тетя Мила, я тебя обожаю. – Хотелось добавить: за неистребимый оптимизм, но боюсь, тетя не оценит иронию.

– Так ты согласна?

– Конечно, только когда освобожусь. Хорошо?

– Да, Женечка.

– Тетя Мила, – чмокнула я ее в щеку, поднимаясь из-за стола, – мне пора. Скоро домой не жди, буду звонить.

* * *

До назначенной встречи оставалось совсем немного времени. Я оставила сумку с вещами в «фольке», припарковала его неподалеку, остальной путь до кафе предпочла проделать пешком, опаздывать очень не люблю, поэтому пришлось ускорить темп.

Вероника уже ждала меня, я бросила мимолетный взгляд на часы. Без трех минут десять.

– Это я пришла раньше, – заметила Вероника направление моего взгляда, – на работе проблем не возникло, все вопросы быстро решили.

– Как дела? В порядке? Ты вроде бы нервничаешь?

– Заметно? Да, вчера, после того как мы попрощались, я успокоилась, расслабилась даже. Спала крепко, без сновидений, впервые за последние недели. А сегодня утром, когда шла к лицу, опять заметила подозрительного типа, он следил за мной. Потом, кажется, до кафе «проводил».

– И неприятные переживания заново накрыли?

– Да.

– Не расстраивайся, теперь ты не одна. Мы разберемся в этой ситуации и найдем нужное решение. Ты рассказала на работе о «приезде подруги»?

– Да, как договаривались, Максиму также сообщила, когда он звонил, даже соседке по лестничной площадке, мы с ней виделись с утра.

– Отлично, теперь, если заинтересованные лица собирают информацию, мое появление в твоей жизни никого не насторожит. Давай сделаем вот что: после того как обсудим все вопросы, прогуляемся немного по центру, хочу оценить профессиональным взглядом того, кто за тобой следит.

– Конечно. Сразу должна предупредить, рассказ долгий.

– Хорошо, тогда, пожалуй, закажу чашку чая. И ничего не пропускай, – улыбнулась я, – подробности бывают очень важны.

– Моя прабабушка, Ольга, происходит из знатного дворянского рода Мещерских. Ольга Мещерская родилась в Питере в тысяча девятьсот втором году. Там семья и жила до революции, в это время Ольге было пятнадцать лет. Практически сразу в городе начались погромы, дворян расстреливали семьями, их имущество подлежало национализации. Так прабабушка познакомилась со своим будущим мужем Федором Черновым. Он был офицером НКВД и возглавлял отдел экспроприации.

Семья Мещерских в полном составе была арестована темной страшной ночью в первые дни революции. Их вытащили из родного дома и, ничего не объясняя, бросили в застенки. Сразу не расстреляли, держали в сыром подвале, битком набитом такими же дворянами, которым была уготована такая же участь – расстрел. Говорят, юная Мещерская обладала редкой, сказочной красотой: точеная фигура, фарфоровая кожа, благородные черты лица, глубокие синие глаза, длинные, густые светлые волосы. Отец называл Ольгу «моя прекрасная фея». До революции многие добивались ее руки. Но отец не торопился расстаться со своим сокровищем, а юная Мещерская была романтической особой, ждала любви, страсти, как в романах, и никому не отдавала своего сердца.

Чернов захотел ее себе, как хотят вещь – редкую и красивую. Через неделю пребывания семьи Мещерских в тюрьме Чернов сделал Ольге предложение, практичное и деловое: она должна немедленно выйти за него замуж. Он после этого отпустит ее родных на все четыре стороны. Даже снабдит их поддельными документами. За эту неделю Мещерские стали старожилками в своей камере, остальные там долго не задерживались, так что они успели прочувствовать и понять весь ужас своего положения. И Ольга была вынуждена пойти на этот шаг, чтобы спасти родных.

Чернов снабдил отца и мать Ольги поддельными паспортами и вывез их с двумя младшими сыновьями за пределы города, мотивируя это тем, что в Питере все еще неспокойно, и если в них заподозрят дворян, то опять арестуют, и новые документы не помогут. Больше Ольга родных не видела никогда. Федор жестко и доходчиво объяснил, что отныне она отрезанный ломоть и вообще целиком принадлежит своему мужу и господину.

Бабушка не рассказывала, как прабабушке жилось с Федором, но нетрудно догадаться. Светская красавица, любимица семьи и кумир знатных кавалеров в одночасье превратилась в служанку, практически рабыню грубого мужлана. Ольга заплатила эту страшную цену за жизнь родных, даже без возможности увидеть свою семью когда-либо или узнать об их дальнейшей судьбе. Федор Чернов не захотел назвать Ольге фамилию, которую теперь носят ее родители по новым документам, несмотря на постоянные ее мольбы.

Вскоре Ольга родила сына Дмитрия и дочь Елену – мою бабушку. Чернов делал карьеру в органах, после того как не стало кого грабить, занимался раскрытием заговоров. А их, как известно, в нашей стране было немало раскрыто и придумано. Время шло, дети росли. Ольга смирилась со своей участью, покорила грубому, деспотичному мужу. С началом Великой Отечественной войны Федор ушел на фронт, буквально с первых дней. Следом за ним сын. Ольга с дочерью остались в Ленинграде и вскорости оказались в осаде. Все наслышаны об ужасах блокады, Ольга с Еленой пережили ее. Было очень тяжело, но покидать любимый город Ольга не хотела. В начале сорок пятого года с войны вернулся сын, его комиссовали после тяжелейшего ранения.

После приезда Дмитрия домой они о чем-то долго говорили с матерью, Елене удалось услышать лишь обрывки разговора. Она поняла только, что на войне дороги отца и сына пересеклись, и Дмитрий узнал какую-то тайну Федора. А мать, в свою очередь, рассказала сыну об обстоятельствах своего замужества.

После этого разговора Ольга приняла решение бежать от мужа. Не подать на развод, Федор этого не допустил бы, а именно бежать. Дети, разумеется, отправились с ней. Еще шла война, им удалось затеряться в суматохе и неразберихе тех дней. Но приходилось все время переезжать. Сначала они поселились в небольшой деревне за Уралом, потом переехали дальше на восток, затем еще дальше. И в конце концов оказались во Владивостоке.

Все годы скитаний в душе Ольги не было покоя, она неустанно повторяла, что чудовище-муж ищет их и рано или поздно найдет.

Действительно, Федору удалось разыскать семью в сорок шестом году. Ни Ольга, ни ее дети не знали тогда, что Чернов вскорости сам попадет под репрессии своего ведомства. Разве что для него самого это не оказалось новостью. Чутьем Федор Чернов отличался редким, почти звериным. Он оставил своим детям золотую монету, просил хранить ее и никому не показывать до его возвращения.

Дмитрий категорически отказался иметь какие-либо дела с отцом. Сказал, что слишком много знает про него. А Елена согласилась и взяла монету. Федор уехал и больше никогда не появился. Видимо, он надеялся выкрутиться или получить небольшой срок, но сгинул в недрах организации, которой сам служил много лет.

После отъезда мужа Ольгу разбил инсульт на фоне пережитого стресса. Затем второй, и через три месяца дети осиротели. Хотя не такие уж и дети: Диме было двадцать шесть, Лене двадцать пять лет. Потом пути сестры и брата разошлись. Елена уехала из города, завербовалась на стройку, а Дмитрий остался во Владивостоке. На стройке Елена познакомилась со своим будущим мужем, моим дедом. Он был родом из Тарасова. В пятидесятых они переехали жить сюда, потом родилась дочь, моя мама.

– История не совсем обычная, даже захватывающая, но в чем тут тайна? Не совсем понятно.

– В монете. Бабушка поведала мне всю историю только после того, как заболела. До этого я даже не догадывалась ни о чем. Бабуля велела быть очень осторожной, монету беречь, никому о ней не рассказывать, по возможности не продавать. Она намекала, что родители погибли не случайно, а из-за того, что пытались оценить и продать «Ангела».

– Кого? Ангела?

– Бабушка так монету называла.

– Прости, мне нужно уточнить, бабушка видела в смерти твоих родителей нечто мистическое? Что-то вроде божьего промысла?

– Нет, она считала, что в автомобильной аварии виновата некая организация, вроде той, в которой работал Федор Чернов.

– И ты думаешь, что слежка за тобой устроена теми же людьми?

– Ну, вообще, может, это и глупо, но... Да. Именно так и думала. По крайней мере, я привыкла доверять интуиции своей бабушки. Она была одаренным человеком, неординарной личностью и очень умной.

– Тебе виднее, но бабушка тоже могла ошибаться. О гибели родителей не берусь судить, история давняя, но твои теперешние соглядатаи могут быть никак не связаны с монетой. Думаю, еще рано делать окончательные выводы. Мы разберемся и в старой истории, и в ее современном продолжении.

* * *

Обсудив с Вероникой некоторые вопросы, касающиеся моего гонорара и способов оплаты, мы, как и планировали, вышли из кафе и отправились пешком по одной из центральных улиц Тарасова. Из озорства мы опять перешли на французский язык. Во-первых, нужно поддерживать легенду о подруге из Франции, во-вторых, иногда бывает приятно шокировать чопорных продавщиц местных бутиков.

Я посоветовала Веронике расслабиться, не думать о своих недавних преследователях, по возможности забыть обо всем неприятном. Просто гуляем, рассматриваем витрины, примеряем наряды. Девушка отлично справилась; глядя на нее со стороны, сложно было предположить, что ее что-либо беспокоит.

Мы прогулялись вдоль местного, тарасовского «Бродвея», заглядывая во все приличные бутики. Выпили кофе в небольшом уличном кафе. При этом непрерывно болтали на французском языке, якобы сообщая друг другу последние новости. Словом, провели время как хорошие подруги, которые давно не виделись. Потом сделали крюк по улице Пирогова и вернулись к поджидавшему нас «фольку».

– Ну что? – нетерпеливо прошептала Вероника, едва мы сели в машину.

– Тебе не показалось. Следил за нами какой-то тип, все время, пока гуляли. Даже пытался подобраться поближе, чтобы послушать. Но французского языка он не знает, на его лице отобразилась целая палитра чувств, забавно, – замолчала я, задумавшись.

– Что именно?

– Пока не буду утверждать, но думаю, твоя бабушка ошибалась насчет «серьезной организации». Или за тобой следят совсем другие люди.

– Почему ты так думаешь?

– Слишком топорно работают.

С этими словами я завела мотор любимой машины, и мы поехали к дому Вероники.

* * *

Во дворе я некоторое время оглядывалась в поисках удобного места для парковки. Нужно, чтобы оно отвечало некоторым требованиям, во-первых, хорошо просматривалось из окон квартиры...

Мои размышления прервала Вероника.

– Решаешь, где машину удобней поставить? – спросила она.

– Да, мой «фольк» на сигнализации, но во избежание различных неприятностей желательно держать его на виду. Хотя, если его прямо тут поставить...

– Можно просто в гараж. Он от родителей достался. Машина в аварии так пострадала, что не подлежала ремонту. Но гараж бабушка не стала продавать, всегда говорила, что мне пригодится, когда я куплю себе роскошную машину. – Девушка грустно усмехнулась.

– Значит, действительно когда-нибудь купишь.

Оказалось, что гараж расположен совсем недалеко от подъезда, в конце уютного старого двора.

Минут через десять Вероника уже показывала комнату, которую отвела для меня.

– Сейчас покажу тебе «Ангела».

– Подожди минутку. – Я достала из сумки с вещами приборчик для обнаружения «жучков». – Хочу быть абсолютно уверенной, что наши разговоры не уйдут дальше этой комнаты.

Вероника молча, заинтересованно наблюдала за моими манипуляциями. Прибор мерно попискивал. Результат удивил несказанно: я обнаружила два «жучка». Один в спальне Вероники, другой в гостиной. Чтобы лишний раз не пугать девушку, я удержалась от комментариев, просто обезвредила находку.

– Теперь можем спокойно говорить.

– Это были прослушивающие устройства?

– Да. Есть у тебя любопытные «приятели».

– Но ведь это означает, что они были в моей квартире, ходили тут как хозяева?! Трогали мои вещи?!

– Есть два варианта.

– Какие, интересно?

– Это может быть кто-то из близких знакомых, тех, кто не только вхож в дом, но и остается в комнате без присутствия хозяйки.

– Таких знакомых у меня не много, сейчас даже вспомнить никого не могу. А второй вариант?

– Квартиру могли осторожно вскрыть, когда ты была на работе, поставить «жучки» и уйти, не оставляя следов. Поверь, если сделать все очень аккуратно, сложно заметить следы вторжения.

– Значит, им точно нужна монета.

– С чего такие выводы?

– Я действительно не замечала, что в квартире побывал кто-то чужой. Если им было нужно что-либо из моего имущества, уже могли украсть, и следить за мной не надо. Так?

– Логично.

– А если они продолжают следить и подслушивать, значит, не нашли что искали. Так?

– А монета была, – уловила я мысль Вероники, – надежно спрятана?

– Да! – торжествующе воскликнула девушка. – Бабушка Елена сама придумала тайник! Если не знаешь, ни за что не найти. Пойдем, покажу!

Вероника потащила меня в гостиную, открыла шкаф и взяла с дальней полки громадный металлический будильник советских времен.

- Вот, смотри! – сунула его мне в руку.
- Ты хочешь сказать, – я потрясла будильником – внутри что-то загрохотало, – что это и есть тайник?
- Да. Умно придумано, правда?
- Находчиво, даже гравировка есть. – На железном корпусе было написано: «За выдающиеся успехи в соц. соревновании награждается Потапова Елена, мастер участка».
- Когда бабушку спрашивали, зачем она хранит этот старый хлам, она отвечала, что тот дорог ей как память о трудовых подвигах молодости. Я сама никогда не подозревала о такой начинке, – Вероника с усилием потянула заводной ключ. Он вместе с крышкой оказался в ее руке. В другой руке остался корпус давно не работающего будильника. Его детали кучкой лежали внутри, это они создавали слышимый мною грохот.
- Я не понимаю.
- Правильно, – торжествовала Вероника, – говорю же, бабуля гений. Даже если точно знаешь, где монета, заметить сложно. В этих древних будильниках столько места. – Она взяла из моей руки корпус и продолжила его разбирать: вытряхнула детали, вытащила циферблат. К моему удивлению, их оказалось два. Один циферблат был плотно подогнан к другому и закреплен, таким образом создавалось немного пространства, чтобы спрятать такую небольшую вещь, как монета.
- Действительно, умно придумано. Если проверять с помощью металлоискателя, корпус и детали внутри отвлекут внимание, они же придают будильнику вес. Сложно что-либо заподозрить.
- Теперь понимаешь, почему я уверенно заявила, что они искали «Ангела» и не нашли? – Вероника развернула мягкую бархатную ткань и вложила мне в руку золотую монету.
- Немаленькая. – Я взвесила на руке. – Чистое золото?
- Да, насколько мне известно. Она тысяча семьсот девяносто третьего года.
- Ты точно никому не показывала монету, может, пыталась оценить?
- Нет, только в Интернете про нее читала.
- Ну, тогда рассказывай, что удалось узнать.
- Эта монета известна во Франции, да и во всей Европе. Называют: «Французский ангел» или «Ангел удачи». Среди нумизматов ходит легенда, что она приносит счастье. Смотри: на аверсе обозначен номинал монеты – двадцать четыре ливра в дубовом венке и надпись по окружности «Республика Франция». На реверсе изображен ангел, который стоя записывает на скрижалях Конституцию Франции. Рядом изображена колонна, петух и надпись: «Господство закона». Монета символизирует принципы Французской революции. Ангел является символическим изображением духа Франции, а петух символизирует бдительность.
- Петух по-французски – «галл». Было такое племя в Европе. Галлы считаются предками современных французов, – высказала я свои познания.
- Да, может, поэтому его изобразили на монете.
- А что это за палки, за ангелом?
- Это связка стержней, являющихся символом власти, такой в древности носили римские магистры. Внизу год тысяча семьсот девяносто третий.
- Время революции во Франции. Как думаешь, Федор Чернов, оставляя своей дочери монету этого времени, пытался сделать какой-то намек?
- Считаешь, его могла мучить совесть за совершенные преступления? Не думаю. Бабушка описывала его как человека крутого нрава, убежденного в своей правоте.
- Может, она просто дорого стоит? Это многое объяснило бы.
- Я наводила справки через Интернет. Эти монеты были настолько популярны, что много раз перевыпускались. Поэтому в наше время совсем не редки, а значит, и стоят не много, около двенадцати-пятнадцати тысяч.

– Рублей?

– Конечно.

– Да, это небольшая сумма. А я уж было собралась предположить...

– Что именно?

– Твой прадед, Федор Чернов, мог не умереть в сорок шестом году. Допустим, ему дали срок, он отсидел и создал новую семью, завел детей. Перед смертью рассказал им о монете. То есть ее ищут твои родственники – претенденты на наследство.

– А следить, пугать меня зачем? Они могли представиться, познакомиться, я не стала бы жадничать, поделилась, если они тоже родня.

– Ну, люди разные бывают. Может, себе все хотят, чтобы с тобой не делиться. Но нет. Не слишком вяжется. Десять-пятнадцать тысяч – не та сумма, из-за которой стоит так стараться: следить, квартиру прослушивать. Может, монета дороже стоит? Этого года издания их могло мало остаться, или еще какие-то нюансы имеются. Похоже, без консультации специалиста нам не обойтись.

– Рискованно, бабушка не советовала внимание привлекать.

– Не бойся, теперь я с тобой. Тем более что у меня есть знакомый нумизмат, он не из болтливых. В их среде вообще не принято рассказывать о частных делах своих клиентов.

– Тогда ладно. Договаривайся о встрече. Если ты не против, я приму ванну и позанимаюсь немного японским. Хочу усовершенствовать язык за время отпуска.

– Конечно, не против, только квартиру без меня не покидай. Я вещи разберу и воспользуюсь Интернетом. – Я махнула рукой на сумку с ноутбуком, захваченным из дома. – А если тебе понадобится партнер для отработки диалогов, зови, всегда рада помочь, да и лишняя практика не помешает.

– Жень, ты и японский язык знаешь?

– Достаточно для беглой разговорной речи, несколько лет назад даже приходилось бывать в командировках в Японии.

– О, тогда с удовольствием приму твою помощь, как освободишься, заходи.

* * *

Я разобрала вещи, включила компьютер и еще раз взвесила на ладони монету. На аверсе, под цифрой 24, обозначающей номинал, мне показалось, что я вижу какой-то знак. Очень маленький, грубо исполненный, наверно, кустарным способом. Я подошла к столу, включила настольную лампу и поднесла монету ближе к световому пятну, чтобы лучше рассмотреть знак. Он представлял собой лежащую по горизонтали восьмерку. Или математический знак бесконечности. Странно, Вероника об этом знаке ничего не упоминала, может, не заметила? Или забыла сказать? Рассматривая монету и крутя ее так и эдак, я увидела еще два значка – один, в дубовом венке, был похож на скрещенные кости, а другой, на реверсе, под ангелом, – на неправильно написанную печатную букву «И», как ее пишут порой маленькие дети, когда осваивают грамоту. Странно, что это может означать? И есть ли подобные знаки на других таких монетах? Нужно самой посмотреть в Интернете.

Компьютер тем временем загрузился, я зашла в Интернет и ввела в поисковик: «Золотой французский ангел». Яндекс выдал несколько ссылок, я открыла ближайшую.

Как выяснилось, нумизматы всего мира предпочитают для своих коллекций монеты из меди или серебра, они гораздо дешевле золотых или платиновых того же времени.

Во время Французской революции 1789–1799 годов Национальное собрание приняло решение о чеканке новых монет. Сия миссия была возложена на дворянина Огюста Дюпре самим Людовиком Шестнадцатым. В 1792 году он создал новую валюту для Франции. Именно

Дюпре придумал символику, выражаясь современным языком, – дизайн монеты. Говорят, что при создании этой монеты было использовано золото, полученное алхимиком Лестатом.

И именно благодаря Огюсту Дюпре о «Французском ангеле» пошла молва как о монете, приносящей удачу. В 1794 году, в дни революционного террора, среди массы приговоренных к смерти дворян был и Огюст Дюпре. Его приговорили к казни на гильотине. Легенда гласит, что в кармане осужденного в тот момент лежал «Золотой ангел». Поднимаясь на эшафот, Дюпре произнес небольшую молитву и приготовился к смерти. Он встал на колени и поместил голову под лезвие гильотины. Но внезапно яркая вспышка молнии, ударившей в шпиль ближайшей колокольни, осветила толпу. Из-за паники и хаоса, вызванных природным явлением, ужасная церемония казни была отменена. Дюпре отвели обратно в тюрьму и, кажется, забыли про него. А через пять месяцев и вовсе освободили. Так вот, Огюст всегда утверждал, что был спасен этим самым ангелом. Хотя есть и другая, более прозаическая версия. Дюпре просто подкупил своих палачей золотой монетой, лежащей в его кармане.

Как бы там ни было, слава о «Золотом ангеле», как о монете, приносящей удачу, разнеслась по Европе. Морские капитаны старались не отправляться в плавание, не имея при себе этого талисмана. Позже французские пилоты редко поднимались в небо без «Ангелов». Один из немецких генералов авиации рассказывал, что во время Второй мировой войны германские ВВС специально искали в странах Европы монеты с изображением «Счастливого ангела», чтобы выдавать их в качестве награды асам-истребителям Люфтваффе.

Ангел был заново воспроизведен на монетах номиналом 20 франков с 1871 по 1898 год. Потом на золотых монетах в 50 франков, золотых монетах в 100 франков 1878–1914 годов. И даже на относительно современных стофранковых юбилейных серебряных, золотых, платиновых, палладиевых монетах, выпущенных в 1989 году. Сегодня в Европе и Америке люди покупают эти монеты как подарки на Рождество и Новый год и дарят любимым с пожеланием удачи.

Все это, конечно, очень интересно, но практически не дает ответов на мои вопросы. Их даже стало больше. Судя по выложенным в Сети фотографиям, на монетах 1792 года издания есть изображение Людовика Шестнадцатого. А на монете Вероники его почему-то нет. А на монетах более поздней чеканки, лет через сто примерно, реверс с аверсом меняются местами. Я уже не говорю о номинале, тот вообще меняется со временем, увеличивается, естественно.

Что же касается странных знаков, замеченных мною, ничего подобного на изображениях монет не было. Насколько это возможно рассмотреть по фотографиям. В любом случае я только укрепилась во мнении, что нам нужна консультация специалиста. К счастью, среди моих многочисленных знакомых такой человек действительно имелся.

Я бросила взгляд на часы. Время вечернее, но еще не поздно для делового звонка. В телефонной книге сотового нашла номер Валентина Петровича. С этим известным в Тарасове нумизматом я сотрудничала несколько лет назад. Консультировала по вопросам безопасности благодаря просьбе одного хорошего знакомого. С Валентином Петровичем мы расстались вполне довольные друг другом. Пару раз он рекомендовал мои услуги нескольким тарасовским бизнесменам, вполне приличным людям. И сам неоднократно повторял, что в случае необходимости могу обращаться к нему за помощью. Так что я не затратила много усилий, чтобы договориться о встрече на завтра. Пожилой нумизмат заверил, что будет рад видеть меня и мою клиентку и с удовольствием окажет посильную помощь.

Потом я вновь зашла во Всемирную паутину и связалась по электронке со знакомым хакером. Интернет давно и плотно вошел в нашу жизнь. Теперь даже дошкольник знает, что любую информацию можно почерпнуть из Сети. Все дело в том, что та информация, которая требуется мне, может быть засекречена, даже вероятней всего засекречена. Значит, мне потребуется помощь хакера. Я регулярно общаюсь в Сети с одним молодым способным компьютерщиком, который экономит мне массу времени, когда нужно что-либо узнать.

Я связалась со своим добровольным помощником; как бы там ни было, нужно навести подробные справки о Федоре Чернове. Был ли он осужден, если был, то за что и какое наказание понес. Может, мое предположение о том, что Чернов завел новую семью и имеет наследников, не так уж фантастично. Еще обязательно нужно навести справки о дальнейшей судьбе Дмитрия Чернова. То, что бабушка Вероники не поддерживала с братом отношений, не значит, что он не следил за судьбой Елены и ее потомков. Дмитрий тоже знал о монете и мог жениться, завести семью, детей. И хоть Дмитрий, судя по всему, уже очень дряхлый старик или даже покинул этот мир, его наследник или наследники могут охотиться за монетой.

Во всех этих логичных выводах был один небольшой пробел: судя по всему, монета не представляет особой ценности. Но, думаю, наш завтрашний визит к нумизмату прольет свет на этот вопрос. Вполне возможно, что она стоит гораздо больше, чем думает Вероника.

Я рассказала своей подопечной о назначенной на завтра встрече. Потом мы немного позанимались японским языком. Поболтали о новостях современного кино. И, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим комнатам. Когда я уже стояла на пороге отведенной мне спальни, услышала, как зазвонил мобильный Вероники. Судя по ее репликам, звонил жених. Максим напрашивался в гости сегодня вечером, осторожная Вероника отказывалась. После долгих пререканий встреча и знакомство с «подругой из Франции» были перенесены на завтрашний вечер.

Я прислушивалась к разговору не из досужего любопытства, просто следила, чтобы Вероника не говорила лишнего. Сначала я даже собиралась ее об этом еще раз предупредить, но потом поняла, что девушка проявляет крайнюю осторожность. Видимо, сказывается влияние бабушки Елены; что ж, Вероника хорошо усвоила ее инструкции. Значит, я могу спокойно удалиться в свою комнату.

После того как я приняла душ, собралась ложиться спать, но увидела, что засветился дисплей моего сотового телефона. Звонил приятель Генка, легок на помине.

– Привет, моя любовь.

Ну вот, опять он со своими шуточками.

– Привет, только сегодня вспоминали тебя с тетей Милой.

– Хочешь сказать: дурака вспомни, он и появится? – заржал приятель.

– Смотрю, ты находишься в отличном расположении духа. Как командировка? Удачно?

– Нормально все, как обычно. В связи с чем вспоминали мою особу? Надеюсь, тетя Мила уверяла тебя, что лучше жениха, чем я, днем с огнем не сыскать?

– Она вспоминала наш поход в ресторан, – призналась я, – видимо, твое появление около нашего дома произвело тогда неизгладимое впечатление на тетю Милу.

– Вот, что я тебе говорил! – торжествовал приятель. – Я самая удачная кандидатура на роль жениха. И твоей тете нравлюсь.

– Должна тебя разочаровать, Гена, тете Миле все нравятся. Ну, или почти все представители мужской половины населения старше двадцати пяти.

– Это почему?

– Она напряженно выбирает жениха для любимой племянницы, – хохотнула я.

– И как успехи?

– Пока что мне успешно удавалось разрушать ее матримониальные планы. Но с каждым годом тетя Мила нервничает все больше, а разочаровывать ее мне все труднее.

– А я предлагал тебе, представь ей меня в качестве жениха. Будем встречаться, ходить друг к другу в гости. Тетя расслабится, прекратит приставать к тебе с нотациями и предложениями.

– Уже обещала подумать. Кстати, тетя Мила, видимо, решила и тут взять инициативу в свои руки. Она просит пригласить тебя на чай, обещала испечь что-нибудь вкусненькое.

– О, я всегда с удовольствием. Когда собираться в гости?

- Наверно, после того, как закончу работу, – бодро ответила я.
- Так, ты опять ввязалась в очередную историю?! – Тон приятеля из радостно-расслабленного стал напряженным.
- Никаких историй. Охраняю милую молодую девушку, преподавателя элитного учебного заведения.
- Ого, – присвистнул Генка, – как возросло благосостояние российских учителей, если девушка может осилить твои расценки! Или у нее очень большие неприятности?
- Не особо. Просто помогаю разобраться кое с чем. Не обижайся, в подробности посвящать не могу, сам понимаешь, конфиденциальность и все такое.
- Конечно, понимаю. Если понадобится помощь, звони.
- Спасибо, пока все нормально. Но может статься, что помощь действительно понадобится.
- Так, когда мы встретимся?
- Когда закончу, наберу тебя. Если до этого момента мне не понадобится что-нибудь разрулить, – хихикнула я.

Мы попрощались с приятелем, и я улеглась в постель. С тех пор как Генку перевели в наш город на повышение, проблем у меня значительно поубавилось. Во-первых, Генка, как заместитель начальника управления полиции Тарасова, может избавить от мелких препятствий и досадных недоразумений. А их во время частных расследований возникает множество. Во-вторых, раньше, до появления бравого полковника в нашем городе, практически весь личный состав полиции видел в моей скромной особе врага номер один. Некоторые особо ретивые представители правоохранительных органов старались испортить мне жизнь чем только можно. А возможностей у них много: одними только проверками лицензии и разрешения на ношение оружия можно замордовать. Не знаю, что сделал в этом направлении Геннадий Петров, но отношение местной полиции к Евгении Охотниковой кардинально изменилось. Если в процессе работы мне доводится с ними пересекаться, весь личный состав ведет себя предупредительно вежливо. У меня даже появились приятели среди Генкиных подчиненных.

* * *

Утром, пользуясь тем, что свидание с нумизматом не скоро, я отправилась на пробежку. Вероника еще не проснулась, но накануне вечером она дала мне связку запасных ключей и обещала до моего возвращения никуда не выходить.

Когда я вернулась в квартиру, моя подопечная, напевая какую-то французскую детскую песенку, готовила на кухне завтрак.

- Доброе утро. Настроение хорошее?
- Доброе утро, – улыбнулась Вероника, – правда очень хорошее. Зная, что ты находишься в соседней комнате, я спала крепко, как младенец. Сон снился такой приятный, совсем не помню о чем, но что-то милое. Проснулась бодрой, отдохнувшей.
- Это отлично. Ты всегда так рано встаешь? Даже в отпуске?
- Как и большинство людей, предпочитаю поспать подольше, – хихикнула девушка, – но сегодня меня разбудил своим звонком Максим.
- Забыл, что ты в отпуске? – прищурилась я. – У вас вообще заведено звонить друг другу в любое время? Среди влюбленных так часто бывает.
- Вроде не забыл. И раньше он был сторонником соблюдения приличий, по крайней мере, ничего лишнего себе не позволял. Думаю, его просто разбирает любопытство.
- По поводу моей скромной особы?
- Да, Максим прямо засыпал меня вопросами. Что за подруга? Почему я о ней никогда не рассказывала? Как давно мы знакомы и при каких обстоятельствах познакомились? Даже

спросил, насколько я тебе доверяю, представляешь, будто подбирает кандидата для разведки во вражеском тылу.

– Ну, то, что ему любопытно, это, наверное, нормально. Не было ни слуху ни духу от подруги, и вот она, нате, приехала.

– Знаешь, мне пришлось целую историю придумать. Давай завтракать?

– Хорошо, спасибо, только в душ заскочу.

К тому времени как я вернулась на кухню, меня ждал сервированный стол, и мы с Вероникой продолжили болтать.

– Так что ты рассказала Максиму, можно полюбопытствовать?

– Я решила не мудрить особо и, по возможности, не выдумывать ничего лишнего. Так только, подробности в рамках основной версии.

– Правильно, – одобрила я, – но, чтобы не попасть впросак при общении с твоим женихом, эти подробности нужно знать и мне.

– Да, конечно. Мы подружки с детства. Вместе занимались английским и французским языками в студии на Чернышевского. Там познакомились и подружились. Несколько лет назад ты вышла замуж за француза, фермера из Прованса. С тех пор живешь во Франции, приехала в отпуск впервые за много лет. Родных в Тарасове у тебя не осталось, поэтому я пригласила пожить у меня. Места много, а на сэкономленные деньги можно поехать к морю.

– В наших гостиницах такие цены, что на сэкономленные деньги можно купить небольшой самолет, – съязвила я.

– Это точно. Ну, как тебе?

– Молодец, хорошо все придумала. Кратко, лаконично, без лишних подробностей. Знаешь, подробности – это слабое место любой легенды. Их или нужно опускать, или, наоборот, тщательно прорабатывать.

– Да?

– Ага, на мелких нестыковках засыпался не один лжец.

– Я же не ради удовольствия все это выдумывала, – расстроилась Вероника, – так нужно.

– Конечно, нужно. Может, мои слова прозвучали резковато, но я не хотела тебя обидеть. Все, что мы делаем, это ради твоей, Вероника, безопасности. Чтобы твои враги, кто бы они ни были, не насторожились и не сменили тактику, то есть не перешли к более активным действиям. Поэтому нужно объяснить мое появление в твоей жизни. Что может быть удобнее, чем неожиданный приезд подруги? А единожды начав врать, мы вынуждены придумывать подробности, тут уж ничего не поделаешь.

– Но, когда все закончится, я могу рассказать Максиму правду?

– Если захочешь.

– В каком смысле? – не поняла Вероника.

– У тебя будет два варианта. Или рассказать правду, извиниться за ложь, объяснив причины. Или просто сказать: «Подруга уехала назад во Францию». Таким образом избежав неприятных сцен и разговоров.

– Я предпочту все рассказать Максиму, думаю, он простит мою вынужденную ложь.

– Конечно, простит. Вероника, а можно вопрос?

– О чем?

– Почему Прованс? – Я лукаво улыбнулась, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Просто всегда мечтала там побывать, – зарделась девушка.

– Я так и думала.

Перебрасываясь с Вероникой фразами, мы продолжали завтракать. Нужно заметить, что лично я в еде неприхотлива. Сама кулинарией не увлекаюсь, в случае надобности, конечно, могу приготовить что-нибудь простенькое, но предпочту зайти в кафе или любую общепитовскую забегаловку. Благо сейчас в нашем городе нет проблем с этим. Можно выбрать заведение

любого уровня. В некоторых из них просто перекусить, не пробивая бреши в бюджете и не опасаясь отравления.

В отличие от меня, Вероника замечательно готовила. По крайней мере, то, что мне довелось попробовать, было непревзойденно. Французские заварные оладьи с черничным джемом, омлет с ветчиной и сыром, свежесваренный натуральный кофе.

– Когда закончится эта история, обязательно познакомлю тебя с моей тетей Милой.

– Буду очень рада.

– Думаю, вы понравитесь друг другу. Обменяетесь рецептами, ее заинтересуют оладьи твоего приготовления, такой оригинальный вкус.

– Спасибо, это бабушка Елена меня научила. Раньше она не рассказывала, откуда этот рецепт. Но оказывается, что гувернантка Ольги Мещерской была француженкой. Воспитывая Олю, она часто готовила заварные оладьи к завтраку, чтобы побаловать свою любимицу. Так рецепт и остался в нашей семье.

– А где гувернантка была во время революции? – заинтересовалась я.

– Кажется, за несколько лет до тех событий вернулась на родину. Замуж вышла. Бабушка говорила, что, по слухам, отец Ольги, Мещерский-старший, дал девушке приличное приданое.

– Странно, так принято вроде бы не было. Или отец Ольги был очень добрым и щедрым человеком...

– Или?

– Здесь скрывается какая-то тайна. Знаешь еще какие-нибудь подробности?

– Нет. Бабушка рассказывала только это, а теперь у нее и не спросишь.

– Имя, девичью фамилию гувернантки вспомнить попробуй. Имея подобную информацию, можно попытаться найти ее родню.

– Нет. Ничего, не только фамилии, бабушка даже имени не называла, я бы запомнила.

– Жалко, а как думаешь, после того как Ольга принесла себя в жертву ради спасения семьи, куда делись остальные Мещерские?

– Они сменили фамилию, Федор Чернов об этом прабабушке говорил, только саму фамилию назвать отказывался.

– Хорошо, предположим, давай представим себе эту ситуацию. Вывез Чернов семью Мещерских из города Питера. У них новые поддельные документы и ни гроша в кармане. Что им делать дальше?

– Почему, то есть как ты пришла к выводу о деньгах?

– Сама посмотри. Их арестовали ночью, вывезли из дому, бросили в подвал. Так?

– Да, ты хорошо запомнила подробности моего рассказа.

– В этой ситуации им не могли разрешить захватить деньги и ценные вещи, хорошо, если дали надеть одежду. Так?

– Да, скорее всего.

– Потом Чернов их вывез за город, прямо из застенков?

– Наверное.

– Он торопился, вероятно, боялся, что свои же, чекисты, заметят его манипуляции. В этом случае Федора не спас бы и тот факт, что он начальник. Так что вряд ли он беспокоился о еде, деньгах и теплых вещах в дорогу для своих пленников.

– Ты хочешь сказать, что они погибли? – Глаза Вероники стали наполняться слезами. – Замерзли где-то в степи?

– Не обязательно. Но Мещерские, хоть и, без сомнения, радовались свободе, оказались в сложной ситуации. И мы снова возвратились к вопросу: «Что делать дальше?» Вот ты бы, Вероника, что делала?

– Не знаю. А ты бы что делала? – вернула девушка вопрос.

– Я в подобной ситуации выжила бы обязательно. Но меня этому учили с детства, поэтому все решения, принятые мной, будут верные, а что Мещерские поступили так же – не факт.

– Поэтому ты спрашиваешь меня? Чтобы проверить, смогу ли я грамотно бороться с судьбой?

– Ну да. Не торопись, подумай хорошенько. Время тогда было сложное и смутное, но многим выжить удалось, значит, могли и твои родные.

– Я добралась бы автостопом до ближайшего города и попыталась найти работу.

– Кем бы ты устроилась? – сдержала я порыв сразу же раскритиковать выводы Вероники.

– Кем получится.

– Ты допускаешь несколько ошибок. Про автостоп хорошо, хотя тогда это не так называлось. Но суть от смены названия не меняется, способ передвижения самый безопасный, а если нет денег, единственно возможный. А дальше – все неверно. Не город, а деревня, желательно крупная, чтобы чужаки не сразу бросались в глаза. И совсем ненадолго – передохнуть, выменять что-то ценное на продукты. Желательно одежду сменить, ну, если получится. И дальше в путь. Пойми, дворян тогда преследовали по всей стране, они реально отличались: речь, манеры, белые, не выдавшие черной работы руки. А потом, документы эти новые не внушают доверия.

– Что ты хочешь сказать?

– Хочу сказать, та бумага, что выправил Мещерским Чернов, вряд ли была способна выдержать серьезную проверку. И при малейшем подозрении дорога у них была бы та же – в подвал и на расстрел. А в крупных городах всегда проявляют большую бдительность, так что даже если твой предок и владел какой-то профессией, он не рискнул бы искать работу.

– Что же тогда делать им было?

– Попытаться выехать в другую страну. Закрыли границы не сразу, я точно знаю. И если Мещерские устроили судьбу Ольгиной гувернантки, вполне логично искать у нее помощи в трудную минуту. А значит, она, вернее уже ее дети, могут что-то знать о судьбе твоей семьи.

– Может, так и было, но как ее искать совсем без данных?

– Пока не знаю. Но попробовать стоит. Кстати, иногда самое простое решение – самое верное. Не думала об этом?

– Жень, что ты имеешь в виду? Не могу понять.

– Обретя свободу, почувствовав себя в безопасности вдали от тоталитарного режима, Мещерские могли вновь назваться своей фамилией. Так что, если им удалось выехать за границу, мы их найдем.

– Думаешь, все так просто? Странно, почему мне самой это в голову не приходило? Но ведь нет, – сама себя перебила Вероника, – не может этого быть.

– Какая тебя посетила догадка, можно узнать? – заинтересовалась я.

– Сначала мне пришло в голову, что те люди, которые следят за мной, могут быть потомками Мещерских, у Ольги было два брата. Но потом эта мысль показалась абсурдной.

– Обоснуй, пожалуйста.

– Если допустить, что меня разыскивает потерянная родня или ищут по их поручению, не знаю, детективы например, то их поведение нелогично.

– Хочешь сказать, что детективам достаточно обнаружить Веронику Федорову, доложить заказчику. И все, миссия выполнена? Дальше ход за заказчиком?

– Логично, разве не так?

– Да, потомки Мещерских должны были выйти с тобой на связь сразу, ты бы еще не успела слежку заметить, ну, по крайней мере, забеспокоиться всерьез не успела бы точно.

– Значит, это не они.

– Что возвращает нас к предыдущему вопросу: «Кто?»

– И заодно к вопросу «зачем?».

– Тогда давай на встречу с нумизматом собираться, до нее времени осталось не так много. Может, повезет, и мы получим хоть какие-то ответы.

– На машине поедем?

– Конечно, так гораздо удобнее, заодно и проверю кое-что.

– Что именно?

– Есть одна идея, потом расскажу.

* * *

Пока мы заканчивали сборы, я продолжала обдумывать мысль, пришедшую в голову не так давно.

Бабушка Вероники Елена всю жизнь боялась неведомой, но могущественной организации. Думала, что авария, в которой погибли ее дочь с зятем, не случайна. Может, даже это было замаскированное под аварию убийство. Похоже, ей удалось внушить этот страх Веронике. По крайней мере, девушка довела себя до паники. Согласитесь, психологически гораздо проще принять наличие пусть неизвестного, но одного врага, – принять и вступить с ним в борьбу, – чем наличие и интерес к тебе могущественной организации. Сама эта мысль способна парализовать волю неподготовленного человека.

Но у меня успело сформироваться собственное мнение. Разумеется, не берусь судить о давней истории с аварией, фактов мало, а времени, наоборот, прошло много. Но сейчас сомнительно, что Веронику терроризирует именно организация. Я уже упоминала о низком уровне подготовки «сотрудников», добавим к этому материальную базу.

Вероника обычно пользуется общественным транспортом или ходит пешком, если недалеко. Вчера соглядатай видел нас двоих, гуляющих по городу, магазинам и кафе. Если я ошибаюсь и агент умный профи, мой «фольк» он должен был «срисовать». А значит, сегодня нас будет водить какая-нибудь тачка, средней цены и неприметного цвета. А если я права, то сегодня за нами не будет «хвоста» вообще. Потому что этим людям нужно время обмозговать все и найти машину.

Разумеется, только для чистоты эксперимента, я пока не сообщила о своих мыслях Веронике. Девушка она наблюдательная и неглупая, так что должна сама прийти к подобным выводам, думала я, колеся по городским улицам.

* * *

Время приближалось к полудню. Встреча была назначена на двенадцать, в офисном центре, недалеко от цирка. Валентин Петрович арендовал там помещение. Несколько лет назад он открыл небольшой магазинчик для любителей и ценителей старинных вещей. Там же, в уютном кабинете в конце магазина, он принимал посетителей для консультаций или оценки раритетов. Как правило, старинных монет, которые были страстью и слабостью пожилого нумизмата. Ходили слухи, что не далее чем пару десятков лет назад слабостью Валентина Петровича были еще и красивые, высокие, стройные девушки. Но годы берут свое, хоть старый нумизмат практически утратил повадки повесы и ловеласа, специалистом он был лучшим в Тарасове или даже в области.

Все это я поведала Веронике по пути к офисному центру. Моя подопечная, хоть и слушала с интересом рассказ, проявляла крайнюю рассеянность. Постоянно нервно оглядывалась и в машине и по пути к ней, крепко прижимала к груди современную дамскую сумочку «а-ля бабушкина кошелка».

– У моей бабушки была такая же сумочка, с точно такими же ручками, только однотонная, кажется бежевая, – хихикнула я, чтобы немного отвлечь Веронику.

- У моей тоже. Мода ходит по кругу, только меняются тенденции.
- Да? – продолжала я дурачиться. – Где же тогда платья с корсетом и огромным кринолином? Они были тайной мечтой моего раннего детства.
- Правда? Только раннего, почему?
- Потом отец отдал меня учиться в Ворошиловку, это полувоенное учебное заведение. И я прониклась горячей любовью к практичному цвету хаки и стилю милитари.
- Какой ужас! – Мы дружно рассмеялись.
- Представь себе, в моду вошли-таки платья с огромным кринолином.
- Да, и митенки. Я это вижу: дворники будут не нужны, листья и мусор сметаются длинными широкими юбками.
- Вместительность в маршрутках будет максимум пять дам, больше не влезет никто.
- И двери повсюду будут делать гораздо шире.
- Мы снова рассмеялись, но Вероника по-прежнему нервно сжимала сумку.
- Ты нервничаешь, потому что монету из дому выносишь? Не переживай, все будет хорошо.
- Не только из-за монеты. Женя, а ты заметила, что за нами никто не следит сегодня?
- Я ухмыльнулась:
- Конечно.
- Что бы это значило, как думаешь?
- А у тебя какие соображения? – задала я встречный вопрос.
- Пока никаких.
- Тогда давай так договоримся: сейчас я и ты понаблюдаем, а вечером обменяемся выводами. Идет?
- Хорошо. Только вечером Максим придет. Забыла тебе сказать, – тон Вероники стал виноватым.
- Нет ничего удивительного в том, что твой жених хочет видеть свою невесту. И проявлять любопытство – тоже нормально,стораживает только излишнее любопытство.
- Значит, ты не против его визита?
- Наоборот, я тоже хочу познакомиться с Максимом.
- Ты его подозреваешь? Или нет? Не пойму.
- Пока никого не подозреваю. – Вернее было бы сказать: «Всегда подозреваю всех», но я не стала, боясь обидеть девушку. – Пойми, этот человек из твоего близкого окружения; конечно, я должна знать, кто чем дышит, так сказать. И ничего страшного в моем интересе нет. В его пока тоже. Если Максим продолжит задавать вопросы, придерживаемся принятой версии, мы давние подруги и так далее, а про монету ни слова.
- А что говорить, если он спросит о моих преследователях?
- Ну, он же высмеивал тебя, то есть придерживался версии, что «нервной особе все показалось».
- Да, чем очень обижал.
- Значит, спрашивать ничего не должен, разве что захочет над тобой подтрунить.
- И что тогда?
- Тогда мы будем точно знать, что жених тебе попался с черствым сердцем. Недостаток существенный, но бывает и хуже.
- Болтая, мы подъехали к офисному центру. Припарковали «фольк» на стоянке и поднялись в офис нумизмата.

* * *

Валентин Петрович уже ждал нас, даже попросил свою помощницу приготовить кофе.

– Женечка, сколько лет, сколько зим, – поприветствовал он нас.

– Здравствуйте, позвольте представить, Вероника.

– Ваша, как это у вас говорят, подопечная? Проходите, присаживайтесь вот в эти кресла у журнального столика. Тут будет удобно.

– Да, подопечная, но не только, а еще и подруга. Позвольте, мы сразу к делу? – Я пригубила напиток. – О, у вас, Валентин Петрович, как всегда, отличный кофе.

– Спасибо. Конечно, обязательно. У вас, Женечка, ко мне вопросы были.

– Да, вот, – Вероника достала из сумочки парчовый мешочек с монетой и протянула нумизмату, – взгляните.

– Позвольте?

– Конечно.

Валентин Петрович взял монету и подошел с ней к своему рабочему столу. Там рядом со светильником располагалась настольная асферическая лупа среднего увеличения. Очень удобно, когда нужно, чтобы руки оставались свободными.

Мы молча продолжали пить кофе, пока Валентин Петрович рассматривал монету, поворачивая ее то аверсом, то реверсом. По опыту знаю, его сейчас не нужно отвлекать вопросами. Сам заговорит, когда будет что сказать.

Я поглядывала на нумизмата, его явно заинтересовало что-то в монете. Старик дернул бровью, что обычно означало некоторое удивление, и достал из выдвижного ящика стола лупу большого увеличения, насколько я знаю, от десяти крат. Значит, тоже заметил странные значки и пытается их лучше рассмотреть.

Кофе в наших чашках закончился, молчание, повисшее в комнате, затягивалось. Нумизмат озадаченно прищелкнул языком и наконец вышел из-за стола.

– Да, милые девушки, удивили старика, признаться, не ожидал, не ожидал.

– Это значит, что вы не сможете нам помочь? – напряглась Вероника.

– Это смотря по тому, что вам нужно, может, и смогу.

– Валентин Петрович, у нас возникло несколько вопросов насчет монеты, нужен совет профессионала.

– Спрашивайте, Женечка, я так понимаю, вы, девушки, частично информированы, название монеты знаете?

– Знаем, что называют ее «Французский ангел». Считают талисманом, приносящим удачу. Легенды читали... Только мы запутались совсем.

– Да, в Интернете сведения зачастую противоречивые. Так что у вас за вопросы?

– Для начала вы можете сориентировать нас в вопросе стоимости?

– Монета в отличном состоянии, относится к тысяча семьсот девяносто третьему году. Тогда качество металла было очень хорошее.

– Не пойму, – удивилась Вероника, – золото, оно и есть золото. Или нет?

– Отличается, милая барышня, количеством и качеством добавок. Так я продолжу, «Ангел» – монета очень популярная и востребованная, в связи с чем достаточно часто чеканилась, что автоматически снижает цену. Но ваш экземпляр – таких монет сравнительно немного.

– Мы смотрели в Интернете, оценивают ее примерно в пятнадцать тысяч, так?

– Думаю, эта монета немного дороже будет, тысяч тридцать-сорок на хорошем аукционе можно получить.

– Рублей? – уточнила я.

– Конечно, рублей.

Так, монета оказалась чуть дороже, чем мы с Вероникой думали. Но все равно эта сумма не так уж и велика, в том смысле, чтобы наворачивать столько всего: слежку, «жучки». Куш получается мизерный, нет, должно быть что-то еще. Что мы упускаем или пока не знаем?

Валентин Петрович с Вероникой тем временем продолжали говорить о монете.

- Аверс с реверсом могли местами поменять? Мы тоже не поняли.
- Да, примерно лет через сто после создания монеты так иногда бывает.
- Скажите, почему на моей монете нет изображения Людовика Шестнадцатого? А на монетах тысяча семьсот девяносто второго года есть.
- К тому времени король Франции был объявлен врагом и изменником родины. Его казнили на гильотине. Да, милые барышни, все революции начинаются словами: «Свобода, равенство, братство», а заканчиваются террором.
- Валентин Петрович, вы заметили гравировки, такие странные маленькие значки? – задала я самый главный вопрос.
- Конечно, заметил, но это не гравировка.
- Значки? Я ничего такого не видела! – встrepенулась Вероника.
- Неудивительно, мне понадобилось десятикратное увеличение.
- А можно и мне взглянуть?
- Конечно, вот, возьмите.
- Пока Вероника рассматривала монету, Валентин Петрович продолжил:
- Это может составить проблему во время продажи, если оценщики решат, что значки портят раритет. С другой стороны, этот дефект можно преподать как уникальную особенность, по крайней мере ваш покорный слуга за свою богатую событиями жизнь не встречал ничего подобного.
- Значит, вы нам поможете в этом вопросе? – не теряла я надежды. – Пригодится любая информация.
- Даже не знаю.
- Каким способом они нанесены? Говорите, не гравировка, тогда что?
- Могу предположить, что значки нанесены кустарным способом.
- То есть они были сделаны не на фабрике, когда отливали монету? Значит, к Франции и тысяча семьсот девяносто третьему году не имеют никакого отношения?
- Видимо, вы правы, Евгения. Кто, когда и зачем нанес эти знаки, непонятно, но этот человек преследовал определенную, пока неизвестную нам цель, иначе действия бессмысленны. Не стоят затраченных усилий.
- Странно, – Вероника все еще вертела монету, глядя в лупу, – не замечала я их. Интересно, а бабушка...
- Бабушку твою уже не спросить, – предупредила я ее слова. И сделала знак молчать.
- Кстати, на вопрос «когда?» можно постараться дать ответ.
- Радиоуглеродный анализ? – блеснула я знаниями.
- Совершенно верно, Женечка; давно хотел вам сказать, если вдруг надоест карьера детектива, могу предложить должность своего зама. Так тяжело найти толкового помощника.
- Спасибо, просто я получила разностороннее образование, но это поверхностные знания, так что без вашей консультации не обойтись.
- Я монету никому не оставляю, – тут же насторожилась Вероника, – простите, не хочу никого обидеть. Бабушка Елена мне строго-настрого велела быть очень осторожной.
- В конце концов, это не обязательно, но если ваше расследование зайдет в тупик, знайте, что такая возможность есть. Да, Вероника, вы не будете возражать, если я сделаю фото вашего раритета?
- А зачем? – Девушка еще больше напряглась.
- Хотите посоветоваться с коллегами? – пришла я на помощь Валентину Петровичу.
- Разумеется, если вы не будете против. Я ничего подобного не встречал, но есть масса опытных нумизматов, может, кто-то сможет вам помочь.
- Мы не будем возражать, только, Валентин Петрович, очень важно соблюдать конфиденциальность. Сами понимаете, вопрос деликатный.

– Конечно, милые барышни, о чем речь! Старый нумизмат все понимает и умеет держать язык за зубами. И я могу ручаться за тех коллег, к которым обращаюсь за помощью. Это проверенные годами сотрудничества люди.

– Спасибо большое за помощь.

– Я так понимаю, что вы, Вероника, пока не собираетесь продавать монету? – закинул удочку Валентин Петрович.

– Правильно, не собираюсь. Это память о бабушке.

– Если вдруг передумаете, милости прошу. Может, понадобятся мои связи, на хороший аукцион попасть тяжело. Всегда готов оказать помощь милым девушкам, тем более что вещь действительно интересная.

– Хорошо, я подумаю.

– Валентин Петрович, мы будем ждать вашего звонка.

– Как только у меня появится хоть какая-нибудь информация, обязательно сразу наберу.

– До свидания.

– Всего доброго. Вероника, было очень приятно познакомиться.

– Взаимно.

* * *

Мы попрощались и покинули офис нумизмата. Так как дел на сегодня запланировано больше не было, а Максим должен был прийти только вечером, решили опять пройтись по магазинам, пользуясь тем, что и в самом офисном центре и поблизости их превеликое множество.

Мы с Вероникой гуляли, хихикали, время от времени переходили на французский язык, замечая, что нас слушают окружающие. И не сговариваясь, не обсуждали наш визит к нумизмату и полученную от него информацию.

Потом зашли пообедать в небольшое уютное кафе.

– Жень, ты махнула мне тогда, у Валентина Петровича в кабинете, – не выдержала девушка, – значит ли это, что своему знакомому ты не слишком доверяешь?

– Доверяю ему как хорошему, грамотному специалисту. Он, бесспорно, не станет болтать на всех углах о частных делах клиентов. Если и обратится к кому за помощью, то только к надежным людям.

– Тогда почему? Не понимаю.

– Все подробности о монете, твоих предках, бабушке Елене должны оставаться только между нами. Заметила, что Валентин Петрович сам заинтересовался раритетом?

– Имеешь в виду, что он настойчиво предлагал помощь в организации аукциона, несмотря на то что я однозначно дала понять, что продавать не собираюсь?

– Именно. Может, старый лис захотел редкую и необычную монету себе в коллекцию. Или его что-то здорово заинтересовало.

– Странные знаки?

– Очень может быть.

– Но ты по-прежнему доверяешь нумизмату? – уточнила Вероника.

– Понимаешь, – я усмехнулась, – знатоки, коллекционеры ценностей, они несколько специфичные люди. В этой среде не считается зазорным хитрить, лукавить, преследуя свою цель.

– Какую, интересно?

– Например, обставить ситуацию таким образом, чтобы приобрести драгоценный раритет по значительно сниженной цене. Это считается в некотором роде доблестью, приносит славу среди людей своего круга.

– По-моему, не очень корректный подход.

- Поверь, этот пример самый невинный.
- Значит, доверять нельзя совсем никому?
- Нужно знать, кому доверять и в какой степени. Вот Валентин Петрович, к примеру, не станет скрывать от нас важную информацию о монете, если узнает, конечно.
- Судя по интонации, ты собиралась добавить «но»...
- Да, – я снова усмехнулась, – но его не нужно посвящать в подробности нашего расследования, равно как и в таинственную историю твоей семьи.
- Хорошо, поняла тебя, ничего лишнего, соблюдаю предельную осторожность. Так, кстати, и бабушка Елена советовала.

* * *

Только ближе к вечеру, обойдя все окрестные магазины и кафе, мы собрались возвращаться домой. Настроение у моей подопечной было приподнято-радостное. Вероника веселилась, шутила, казалось, недавняя нервозность покинула девушку без следа.

В машине по дороге к дому мы продолжали оживленно болтать, но я заметила, что Вероника, как и утром, периодически оглядывается назад.

- Тебя опять что-то беспокоит? – не выдержала я.
- Не знаю, не совсем уверена, – снова оглянулась Вероника, – но кажется, что сегодня никто не следит...
- Молодец, заметила, – похвалила я. – Действительно, сегодня за нами не было хвоста. Как думаешь, почему?
- Судя по твоему лукавому тону, соображения на эту тему имеются?
- Конечно. Но мои выводы противоречат тем, что сделала твоя бабушка Елена.
- Поясни, пожалуйста.
- Она всегда считала, что вызвала интерес какой-то серьезной организации. И тебе внушила тот же страх.
- У бабушки были основания.
- Очень может быть, спорить не стану, но давай мы рассмотрим только твой отдельно взятый случай.
- Почему, ведь бабушка считала происходящее цепью событий?
- Да. Может, у нее на то были причины. Но мы с тобой сначала должны разобраться с тем, что происходит сейчас. То есть дать себе ответ на вопрос: «Кто следит за Вероникой Федоровой и зачем?»
- А как же монета?
- Ну, и есть ли связь с монетой.
- За мной стали следить почти сразу после смерти бабушки, а про монету я узнала примерно недели на две раньше.
- Сразу после не всегда означает – вследствие. Хотя люди, которые следят за тобой, могут интересоваться именно монетой. Но я не верю, что это могущественная организация. Не тот масштаб.
- Следили.
- Что?
- Следили, – поправила меня Вероника, – теперь их нет.
- О, – рассмеялась я, – поверь, они появятся. Иначе все происходящее не имеет смысла.
- Тогда почему их нет сегодня? Я уж было решила, мерзавцы увидели, что я не одна, и отстали!

– Не будь наивной! Все объясняется предельно просто: ты стала передвигаться на машине. Вчера они этот момент упустили, и сегодня им понадобилось время, чтобы обзаве-

стись транспортом. Из этого я делаю вывод. Даже два вывода: следящие за тобой все это время люди – не профессионалы, и к серьезной организации они не имеют никакого отношения.

– Иначе у них была бы машина с самого начала? Ведь так следить удобней?

– Именно. С начала или по первому требованию. А они исчезли, значит, транспорт ищут. Я все это тебе объясняю только с одной целью, чтобы ты перестала бояться. Кто бы ни были эти люди, справиться с ними – вопрос времени.

– Спасибо. Но после того как познакомилась с тобой, я больше не боюсь, – улыбнулась девушка, – теперь мы вместе. Правда?

– Конечно. И нам никто не страшен. – Мы рассмеялись.

* * *

Пока я ставила «фольк» в гараж, Вероника ждала рядом. В подъезд мы вошли вместе. На лестничной клетке нас поджидал сюрприз в виде молодого человека с букетом цветов. Как я поняла, в гости пришел Максим, жених Вероники.

– Привет, – просияла девушка, – давно ждешь? Кажется, ты чуть позже обещал быть, – бросила она взгляд на часы.

– Буквально пару минут как пришел. Встреча закончилась раньше, чем планировалось, вот я и вырвался с работы. К тебе спешил, дорогая.

– А мы гуляли, знакомьтесь, – спохватилась Вероника, – моя подруга...

– Эжени, – опередила я и протянула молодому человеку руку.

Тот коснулся ее галантным, слишком мягким пожатием.

– Очень приятно.

– Ой, что же мы в дверях стоим, проходите. А я сварю кофе.

Пока Вероника возилась на кухне, я, бормоча обрывки французских фраз, вызвалась помочь ей с букетом. Налила в вазу воды и поставила цветы в гостиную, исподтишка разглядывая Максима, сидящего в кресле неподалеку.

Он был не очень высокого роста, но отлично сложен. Крепкое, спортивное тело, видимо следит за собой. Смуглая кожа, серые глаза, пшеничного цвета волосы. В целом привлекательный молодой человек, губы немного тонковаты, но это его не портит.

– Что же вы, сударыня, совсем забыли родной язык? – полушутливо обратился Максим ко мне.

– О, не совсем еще, – симитировала я легкий французский акцент, – но на русском говорить мне не с кем. Годами, слыша вокруг только язык Вольтера, от родного начинаешь потихоньку отвыкать.

– Эжени, а вы давно во Франции живете?

– Скоро будет шесть лет, да, пожалуй, давно. Но мне там нравится.

– И в Париже бывали?

– Ну, конечно, много раз.

– Я планирую повезти Веронику туда в свадебное путешествие, – заговорщицким шепотом продолжал Максим, – может, дадите несколько советов? В каком отеле лучше остановиться, какие памятные места или достопримечательности в первую очередь посетить?

– О, с удовольствием. – Я широко улыбнулась. Ничего во внешнем виде молодого человека не говорило, что ему по карману подобное путешествие. И состояние подошв кроссовок, я заметила в прихожей, намекало на то, что Максим много ходит пешком, значит, даже на личный транспорт не заработал. Видимо, просто решил устроить мне проверку. Это он зря: в Париже я действительно много раз бывала. И с историей этого города знакома так хорошо, что сама могу работать парижским гидом. На слегка ошалевшего Максима посыпалась куча сведений и французских названий улиц, площадей и районов Парижа. Понимая, что еще немного –

и заговорю парня до обморочного состояния, я слегка притормозила: – Может, будешь записывать? Все ведь не запомнишь.

– Да, все не запомнишь, – пробормотал он.

– О чем вы тут говорите? – Вероника внесла поднос с кофейным сервизом.

– Дорогая, – вскочил с места Максим, – позволь помочь.

– Спасибо. Уже все готово, можешь принести вазочку с печеньем? Она на кухне.

– Конечно.

Молодой человек вышел.

Вероника зашептала:

– О чем он тебя расспрашивал?

– Потом расскажу.

– Скажите, Эжени, а машину вы давно водите? – вернулся Максим.

– О, с восемнадцати лет. За рулем я как рыба в воде. – Это становится интересней, мелькнула мысль.

– Макс, откуда ты знаешь, что мы были на машине? – опередила меня Вероника.

– Я в окно увидел, как вы подъезжали. Авто неплохое, в прокате брали?

Складывалось впечатление, что молодой человек проверяет все наши слова и пытается подловить на вранье.

– Нет, там слишком много формальностей и качество сервиса не очень высокого уровня. Я одолжила «фольк» у дальней родственницы. Ее сейчас нет в Тарасове, уехала в командировку. – Если бдительный молодой человек решит пробивать номера, не найдет ничего, противоречащего нашему с Вероникой рассказу.

За неспешной беседой время пробежало незаметно. Говорили обо всем понемногу, но в основном Максим настойчиво расспрашивал меня о жизни во Франции. Чтобы не выдумывать несуществующие подробности, я, не моргнув глазом, описывала быт семьи Сашки Романова. Мы с ним вместе учились в Ворошиловке, с тех пор дружим, часто переписываемся. Сашка счастливо женат на уроженке Нормандии Катрин. Сейчас они живут на юге Франции, растят двоих детей. Так что с подробностями жизни обычной французской семьи я хорошо знакома и рассказ получился бесхитростным и гладким.

Я улыбалась, кивала, рассказывала забавные истории, а тем временем обдумывала ситуацию. Не слишком ли много внимания Максим уделяет моей персоне? С самого начала знакомства расспрашивает все подробно, будто не доверяет. С другой стороны, это может быть просто досужее любопытство. И обвинить молодого человека можно разве что в некотором отсутствии такта.

В конце концов Вероника по праву хозяйки возмутилась и велела Максиму прекратить расспросы и не смущать гостью.

– Кажется, Эжени вовсе не смущается, – запротестовал молодой человек, но тему разговора сменил.

Через некоторое время я удалилась в свою комнату, сославшись на усталость. Думаю, молодым людям хочется побыть хоть немного наедине. И мне неприятно становится «пятым колесом в телеге». Кстати, может быть, этим и объясняется настороженность, с которой Максим встретил неожиданное появление «подруги». Ему просто хочется быть наедине с невестой, и молодой человек опасается, что мой «визит» в Тарасов будет отнимать все свободное время Вероники.

* * *

Я включила компьютер, решив проверить электронную почту. Может, уже есть какая-нибудь информация по моим запросам. Хотя времени прошло немного.

Хакер порадовал оперативностью. Он писал, что в 1946 году Дмитрий Чернов сменил фамилию на материнскую и стал Мещерским. Служил на флоте, в 1950 году погиб в результате аварии на борту. Женат не был, наследников не оставил.

Интересно, знала ли Елена Потапова о судьбе брата? Вероника упоминала, что они не общались. Еще хакер писал, что о Федоре Чернове пока узнать ничего не удалось, кроме того, что до 1946 года он служил в органах НКВД. Но мой помощник продолжает искать и будет на связи.

Я быстренько набросала ответ. Поблагодарила за оперативность и попросила уточнить подробности аварии. В каком звании находился Мещерский, в гражданском или военном флоте он служил? Достоверна ли информация о его смерти, а также где захоронено тело. Детей у Дмитрия не было, значит, версия с родственниками – претендентами на наследство отпадает. Но меня интересовало, случайна ли смерть Мещерского, то есть авария – несчастный случай или диверсия. Может, постоянный страх Елены за свою семью и боязнь «серьезной организации» вовсе не паранойя? Вероника утверждает, что бабушка была женщиной умной, значит, Елена имела веские основания сделать подобные выводы?

Готовясь ко сну, я, как и обещала, позвонила тете Миле. Тетушка пребывала в отличном расположении духа, просматривала свой летний гардероб. Александра Павловна, одна из ближайших подруг тети, пригласила ее в театр. Несмотря на то что до премьеры оставалось больше недели, тетя Мила принялась готовиться со свойственной ей энергичностью.

Вот и отлично, улыбалась я, кладя трубку. Обычно, когда тетя находит себе увлекательное занятие, она меньше переживает обо мне.

В дверь комнаты постучали. Это деликатная Вероника проводила жениха и, видимо, решила заглянуть.

– Заходи. Я дверь прикрыла, чтобы не мешать.

– Да, слышимость в наших домах уникальная, – улыбнулась девушка, – смотрю, ты не спишь еще...

– С тетей общалась, она всегда нервничает, если подолгу не звоню.

– Ага. Хотела спросить, как тебе Максим?

– Приятный молодой человек, – сдержанно ответила я.

– Жень, а это не странно, что он все так настойчиво расспрашивал?

– Приятный, но любопытный, – мы рассмеялись, – думаю, это нормально. Вы ведь близки? Ты постоянно говоришь о своих друзьях, увлечениях, стремлениях, так?

– Ну да.

– Вот. А о подруге из Франции молчала. Ему непонятно, любопытно, может, ревнует немного.

– Хорошо, если так, а то его расспросы меня саму напрягали. А ты ничего, складно рассказываешь. – Мы снова рассмеялись.

– На самом деле у меня есть приятель, он живет в небольшом городке неподалеку от Марселя, так что в моих баснях все слова – правда. Только к Эжени они отношения не имеют.

– Ага. Тогда понятно.

Вероника ушла принять ванну перед сном, а я улеглась в постель. Неприятное известие о смерти Дмитрия решила отложить до утра. Насколько я успела узнать девушку, она расстроится, несмотря на то что совсем не знала брата бабушки Елены.

* * *

Мое утро, как обычно, началось с пробежки и отработки упражнений из боевого карате. Несмотря на ранний час, было понятно, что сегодняшней денек порадует нас солнцем и теплом.

В бодром, приподнятом настроении я вернулась в квартиру Вероники. Девушка еще сладко спала. Приняв душ, я раздумывала, приготовить завтрак или ограничиться чашкой кофе с тостом? В этот момент зазвонил мой телефон.

– Доброе утро, Валентин Петрович, – поприветствовала я нумизмата, – есть новости для нас, так быстро?

– Здравствуйте, Женечка. Да, представьте, есть! Сам не ожидал. Только, к сожалению, не могу сообщить ничего конкретного.

– Не совсем понимаю вас.

– Да, позвольте, расскажу по порядку. Заинтересовала меня монетка подруги вашей, что греха таить. Еще вчера я разослал изображение раритета своим коллегам, но только тем, с кем давно и успешно сотрудничаю. Сегодня пришел ответ от коллеги из Питера. Это известный и уважаемый в нашем узком кругу коллекционер – нумизмат Холодов Вадим Сергеевич. Знаю его тысячу лет.

– Так что же сообщил Вадим Сергеевич? – несколько нетерпеливо воскликнула я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.